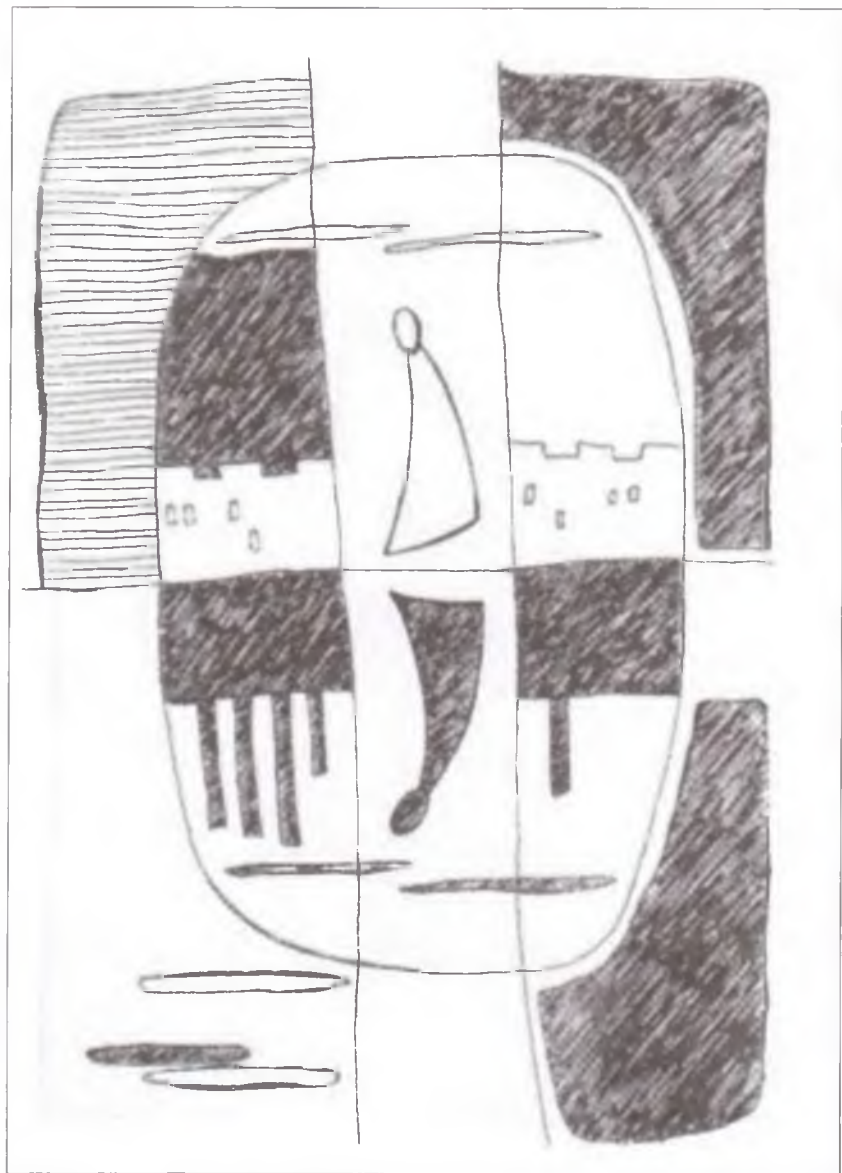
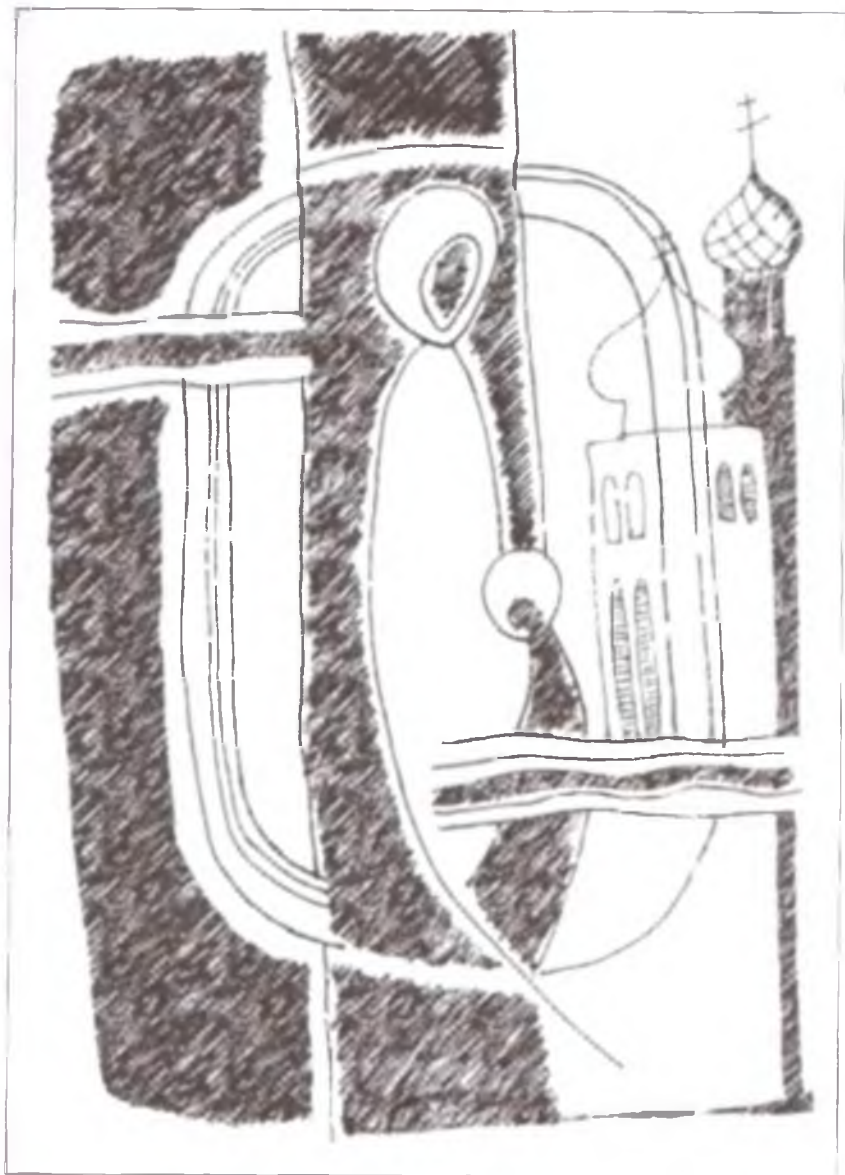

Елена Гостева

НАСЛЕДНИЦА

Елена
Гостева

НАСЛЕДНИЦА

Москва
2005

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)

УДК 882

Г-57

Елена ГОСТЕВА. НАСЛЕДНИЦА. Книга стихотворений. М., «Московский Парнас», 2005 г., 128 с.

ISBN 5-7330-053-30

© Гостева Е. Стихи. 2005 г.

© Мухаметова А. Оформление.

РЕЧЬ-РЕКА ИЗ РОДНИКОВ ЛЮБВИ

Перед каждым пишущим — не только стихи, но и всё, зовущееся художественной словесностью, рано или поздно встаёт вопрос: что новое дарят людям его творения? Ведь, кажется, великими, замечательными и просто хорошими сочинителями поэзии и прозы сказано уже всё и о человеке, тайнах его души, и о красоте мира, и о его ужасах... Но в том и дело, что перед каждым художником слова его время ставит заново все старые вопросы — и задаёт ему новые. И тогда несказанное становится несказанным — тем, что невыразимо. И тогда пишущий осознаёт всем своим существом: главный смысл его жизни — найти ответ и выразить его своими, только своими словами. (А и не найти, но своими словами признаться в этом — значит, уже своё, новое сказать).

...Вот так почти век назад, оказавшись в моём родном древнерусском краю, ощутив глубины нашей Истории и в тревоге предчувствуя потрясения наступающей эпохи, Иван Бунин создал стихотворение «Псковский бор», где в ключевой строке задал себе и всем современникам — и нам, живущим в начале XXI века, — самый болевой вопрос, самый насущный для всех, кому Россия — и страна его предков, и страна его потомков:

Достойны ль мы своих наследий?

Но сегодня эти жгучие вопрошающие глаголы слышны лишь тем, кто чувствует и знает, что у него есть вековое, тысячелетнее наследие, и что он должен хранить и приумножать его для детей и правнуков. У русского поэта это наследие — Слово... К сожалению, отечественная литературная жизнь в советские десятилетия XX века развивалась так, что само понятие «отечественность» стало незнакомым для немалого числа литераторов России. А в «постсоветское» время (также справедливо называемое эпохой Смуты и «катастрофки») усилиями власть имущих проповедников «общечеловеческих ценностей» появилось уже

множество стихотворцев, пишущих вроде бы на русском, но не только «родства не помнящих», не знающих, какая страна и какой язык даны им в наследие, а и не желающих этого знать...

Так вот: сущность книги, которую вы раскрыли, во многом выражена в её названии. Елена Гостева, уже два десятилетия с лишним живущая в Сибири, в городе Мегионе, среди таёжно-болотистых просторов (и просторов нефтегазовой добычи), родилась и выросла в сельской глубинке Вологодчины. Земля древней русской духовности, край, давший России целую плеяду блистательных художников поэзии и прозы — начальное гнездо её мироощущения. Тюменская земля, один из первых символов движения Руси на Восток, пространство, где жизнедеятельность человека (будь то-ненецкие и ханты-мансийские рыбаки и охотники, будь то русские и других наций люди, осваивающие земные недра) всегда могла и поныне может твориться лишь в ежедневном трудовом напряжении души и плоти — вот почва, на которой это мироощущение закалилось и окрепло. Вызрело настолько, чтобы породить зрелые и полнокровные стихи, в которых выражена душа сегодняшней, говоря некрасовской строкой, «гордой и сильной славянки».

...Вообще-то автор сего предисловия убеждён: если женщина родила, воспитала, на ноги поставила троих детей (а именно такова личная судьба Елены Гостевой), то этим она уже свершила прекрасный и, может быть, самый совершенный творческий поступок, самое главное духовное деяние. С другой стороны, мои многолетние наблюдения над бытием и бытом «цеха задорного» (так Пушкин некогда назвал среду литераторов, особенно поэтов), убеждают в следующем: если стихи, даже и весьма интересные и броские, пишет юное прелестное создание, ещё не давшее жизнь ребёнку и не кормящее своё дитя, тут ещё нет оснований полагать, что перед нами — поэт. То есть, поэтесса... Но если это произошло и происходит, да ещё и в до-

статочно суровых житейских условиях, если стихи — несмотря ни на что и вопреки всему — являются на свет Божий под пером женщины-матери, то это — уже судьба. Это призвание, от которого не уйдёшь. (Или, как порой шутят в той же литературной среде, это уже диагноз...) Это — признак подлинного художественного дара, коим душа наделена свыше, и осуществить который — высший долг. (И не так уж важно, какого масштаба, какой величины сей дар: ведь и крупинка золота, и увесистый самородок состоят из одной и той же драгоценной субстанции). Елена Гостева, по моему убеждению, создавая стихи этой книги, уже пришла к осознанию (может, ещё подспудному), что она должна исполнять этот долг...

Тут вступает в действие главное, без чего не рождается настоящая поэзия — ответственность перед Словом. Перед своим многовековым наследием. Перед своим высшим (а в наши горькие дни — так нередко и единственным у творческого человека) достоянием. Оно же — и достоинство его... На страницах этой книги требовательный читатель может встретить стихи с наличием различных «сучков и задоринок», строки, свидетельствующие о том, что автор ещё только в разгаре своего восхождения к мастерству. В таком истовом восхождении (любому известно, кто хоть какую-то вершину одолевал), без царапин, ушибов и ошибок не обойтись... Но это — книга ж и в ы х стихов, рождённых не жёстами рассудка или желанием изложить в рифму прочитанное, а живыми чувствами. Прежде всего — любовью. А любовь — всегда ответственность.

«Я в веке сём наследница, посланница / Крестьянских многочисленных родов» — говорит «сибирская вологжанка». И лучшие стихи её первой книги говорят о том, что она ощущает себя и наследницей их духовной сокровищницы, и — посланницей их Слова.

У каждого поэта своя судьба, и каждому за осуществление своего дарования приходится чем-то жертвовать, чем-то платить. Иногда — и личными потерями,

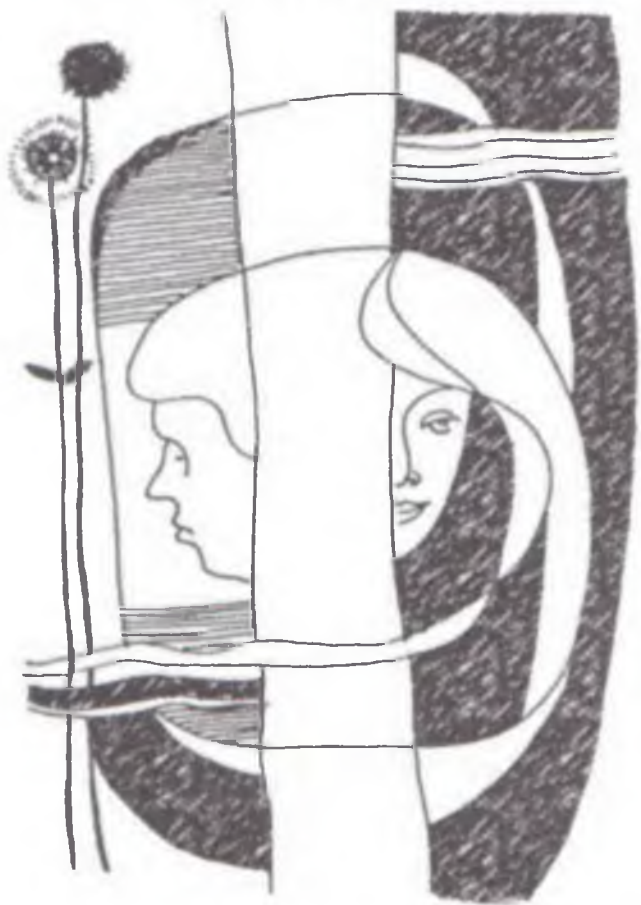
и годами отрыва от «большого» читателя. Судьба Елены Гостевой сложилась так, что она многие годы не имела возможности совершенствовать своё стихотворчество под руководством опытных мастеров. Писала, что называется, в творческом одиночестве. Но — работала упорно. Нередко в различных местных изданиях печатались не лучшие её строки — и под другой фамилией... Но — всему настаёт свой срок.

Настал срок и книге «Наследница». И у меня есть весомая надежда на то, что фамилия вологодского крестьянского рода, давшего жизнь Елене Гостевой, станет именем настоящего поэта.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ,
член Союза писателей с 1975 года,
кандидат филологических наук.

КАМЕННАЯ ЗАРЯ

* * *

Ущербные дети ущербных времен
Возводят ущербность в жестокий закон:
Красивых и крепких —

бить, колесовать,

Здоровые ветки с дерев —

обрывать!

На небе не звезды, а дыры от пуль,

А та, что всех больше —

стареющий нуль.

Гремит безнадёги воинственный туш —

Уродство милее для скомканных душ.

В прекрасные дали оно не зовет.

Зачем?

И бессмысленный проклят полет.

А в ночь,

Благодарны её слепоте,

Рыдают о нежности и красоте...

Каково на дне, вы знаете?
Я — знаю.
По скале крутой из ада выползаю.
Я сорвалась в пропасть,
Чудом не разбилась,
А мечтала полететь —
Не получилось.
Мысли черные —
Ну нет их тяжелее! —
Да еще грехи пудовые на шее
Помешали в небо вольное подняться,
Слабы крылья —
Мне с орлами не тягаться.
И сама не понимаю, целы ль кости.
И то счастье, что еще не на погосте.
Выползаю,
И любой поддержке рада,
По травинкам, по камням,
По добрым взглядам!
Путы старые срываю, как оковы.
Уж теперь-то знаю,
Сколько весит слово.

Взгляды, как пощечины,
Свысока.
«Ешь, за все уплочено,
И — пока...»
В блюдах позолоченных
— Ох, богат! —
Яства, будто вотчиной
Райский сад.
Что же червоточина
Завелась
В щелках озабоченных,
Барских глаз?
Смотрят, утомленные,
Сквозь прищур,
Щеки, как лощеные...
«Умных, дур
Видывал. Все падкие,
Из дерьма,
Все хотят жизнь сладкую
Задарма.»
В злато пальцы втиснуты...
А ведь был
Страстным гитаристом ты,
Свеж и мил.
Дней далеких облако
За спиной.
Невозвратен облик тот,
Милый мой.
Как переворочены
Жизнь, мечты...
Я здесь, у обочины,

Мчишься — ты.
Встретились, обруганы,
Мне б обнять.
Да зачем? Друг друга нам
Не понять.
Бедам напророченным,
Знаю — быть,
Хоть и жаль, средь ночи нам
Не любить.

* * *

Ничего не даром,
Ничего — не зря:
Ласки и удары,
Ночи и заря.

То другим — дороги,
Мне — сплошь бурелом.
Но привычны ноги,
Беды нипочем.

Что мне — ложь, измены?
Я смеюсь взахлеб:
Сокрушать лбом стены —
Крепче ж станет лоб.

Не переиначить
Мне судьбу. Молчу,
Да за миг удачи
Десять раз плачу.

Ничего не даром,
Все на пользу, впрок.
Не подвластна чарам
И не скрутит рок.

Стала, как тигрица.
Что мне ваша рать?
Ну, кто не боится
Зубы потерять?

В ОМУТЕ

А в мутной воде все по-прежнему:
Ни дна не видать, ни небес.
И кружит, вопя по-нездешнему,
Лохматый, ликующий бес.

Веселье ему обеспечено:
До оргий желающих тьма.
Невинным у нас делать нечего,
Сойдут потихоньку с ума.

И крепко Фемида задумалась —
Все схвачено, все на мази.
Судить как? Куда бы ни сунулась,
Все по уши в липкой грязи.

Лишь плачут глупцы невезучие,
Дешевое тянут вино,
Да слезы, тяжелые, жгучие,
Роняют на вязкое дно.

Все взболтано —
 Даром что ль плачено? —
День с ночью, со святостью — срам,
И кровь перемешана с ржавчиной,
И с домом терпимости — храм...

ПОЭТЫ

Да — отшельники, да — изгой
С неприкаянностью в крови,
Подгоняемые тоскою,
Даже в рубищах — короли!
Вам словесной призрачной ратью
Предначертано управлять.
Дар небес — это и проклятье:
Не избавиться, не отнять.
Вы со счастьем всегда в раздоре,
Беззащитней белых ворон,
Нервы общества, струны горя,
Слезы плакальщиц всех времен...
Вечен поиск любви и света.
И по жизни бредут, скорбя.
Кто же сможет, кроме поэтов
Боль России взять на себя?

* * *

Когда приходит срок родить,
Какое дело,
Что в поле скот, что дом не мыт,
Что рожь поспела?
Пускай другие уберут —
Не сломят шеи.
У рожениц особый труд,
Всего важнее.
Так и стихи — они идут
Зажаты, сперты.
И пусть другие не поймут,
Пошли все к черту.
Я не вольна, не мне решать,
Ну, хоть я тресни!
И я не буду наступать
На горло песне.

* * *

Какие могут быть придирки?
Ничью не слушаю хулу.
Стихи берут меня за шкирку
И силой волокут к столу.
Они и лечат, и лупцуют,
Они диктуют время сну.
Они созрели и диктуют,
Я, как на ниве, только жну.

СУДЬБА

От судьбы, от судьбы
Не для жаркой борьбы,
А в уютный мирок я бежала,
Бедовала, как все,
Мыла ноги в росе,
Шила, пряла, варила, стирала.
Поднимала детей,
Принимала гостей...
Но смеялась судьба издалека,
Камнепад неудач
Насылала, хоть плачь,
Наконец, подступила жестоко:
«Для тебя, что ль, уют?
Слышишь, стонут, поют,
Кровь и слезы в туманах мешая?
То поэты Руси,
Ты их долю проси,
С ними будь,
Ну а здесь ты — чужая!»
Все сужает мой круг,
Прогоняет подруг.
Я зажата в стихах, как в капкане.
Мне их холить и жать,
И уже не сбежать
От судьбы указующей длани.

* * *

Россия — она не вокруг,
А — во мне,
Как песня и боль,
Как рассветное звонкое чудо;
И благовест чистый,
И трель соловья по весне
Вбираю в себя
И беречь,
И лелеять в душе своей буду.
Пусть я лишь частичка
Великой России моей,
Но каплей росы
Я храню в себе неба безбрежность,
Печаль незабудки
И золото спелых полей,
И бабьего лета щемящую,
Тонкую нежность.
И вижу:
Завесу из тьмы свежий ветер пробьет,
И век золотой воцарится
Под звездною сферой!
А кто говорит, что погибла Россия,
Тот — лжет,
Тот сам потушил в своем сердце
Надежду и веру.

* * *

И мир летит в тартарары,
И мы — в загуле.
А неизбежной сей игры
Есть только пули.
За час до взрыва,
Может быть, и протрезвеем?
И этот мир, нам не чужой.
Спасти успеем?

* * *

Я в веке сём наследница, посланница
Крестьянских многочисленных родов —
Ведь прихожусь внучатою племянницей
Без малого десяткам трём дедов.
Со мной они, незримые, присутствуют,
И если беды надо мной кружат,
Я сквозь асфальт защиту, силу чувствую
Моих родных, что в сей земле лежат.

ОТСУТСТВИЕ ЛЮБВИ

Над нами нет любви,
И нет любви меж нами;
В разреженности чувств
Не сыщешь доброты;
И тянет пустота
Стеклянными глазами
Из ослабевших душ
Последние мечты.

Средь хаоса хрипит
Простуженная вьюга.
Мы строим — на костях,
А хлеб наш — на крови.
Зверьми Он и Она
Вгрызаются друг в друга —
Клеймит, пытается страсть
В отсутствии Любви.

Из нас ее никто не ведает,
Не знает,
Не помним, для чего
И праведно ль живем,
А если Бог среди нас
Родиться пожелает,
Фанаты —
Мы Его на части разорвем!
Пронзительный мотив,
Тревожнейшие были,
Как резали, секли,

Жгли кроткую любовь,
Но старую убив,
Замены не взрастили...
О, смилуйся, Господь,
И дай Любви нам вновь!

Незрячим не дано
Увидеть, что их гложет.
Во злобе ближних бьем,
Катаемся в пыли.
Как рыбу без воды,
Нас корчит и корежит
До пены на губах
Отсутствие Любви.

Молю я о Любви,
Добре и Милосердьи,
Вздыхают небеса печальные в ответ...
С наивнейшей зари,
Растерзанной в безверьи,
В ночные фонари
Стекает красный свет...

ОДА ТЬМЕ

Я славлю тьму —
В ней нет позорной фальши,
Она не лжет,
Свет прогоняя прочь.
Пугает ночь, но с нею видно дальше.
Недаром звездочёты любят ночь.
То днем сверкает каждая пустышка —
Чужой свет отражая, все равны.
Но гасит ночь обманчивые вспышки,
Лишь звезды настоящие видны.
Величественно, холодно мерцают,
И робкий мир потерянно притих.
...Ах да, ведь ночью черви выползают...
Пусть копошатся...
Звездам — не до них.

* * *

Грязь — грязюка непролазная
Изгаляется и празднует.

Ах, подруга моя Лилечка,
Не пройти теперь на шпилечках!

Нужны бродни нам повыше колен,
Да ходить поосторожней, вдоль стен.

Как на острове до лета живем,
Самогонку цедим, водочку пьем,

А напьемся — и беда не беда,
И не грязь кругом — святая вода.

То ль мерещится — змий сводит с ума,
То ли грязь на дно осела сама.

Не гадаем мы, не маемся.
Лучше выйдем — искупаемся.

Мой дружок, сюда поближе ползи,
Очень весело купаться в грязи...

РЕКА

Вот познать бы, что река чувствует,
Когда рвет на себе броню?
Не от боли ль она безумствует,
Дерева круша на корню?
Как из клетки: в скрежете, с муками,
Разрывая стальной запер,
Как младенец — с болью, с потугами
Вырывается на простор.
Скажешь: лучше б спалось спокойно ей
Под надежным покровом льда?
Захотелось в раздолье вольное,
Так пусть мучится, коль горда.
И беснуется: с диким хохотом
Бьется в мёрзлые берега,
Оглашая долины грохотом.
Крепко ж воля ей дорога!

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Наш якобы загадочный характер
Сам по себе источник мук и бед,
У нас на растяжение и сжатые
Пружинящий, взрывной иммунитет.
В расхлябанности, неге и довольстве
Болтаться между небом и землей
Не нас учить.
А служба — не геройство,
Не волк, без нас потерпит день-другой.
Глубины дна и неба созерцаем,
В мечтах блаженно замки создаем —
Предательства друзей не замечаем,
За лесть врагам святыни отдаем.
Но вот прижмет:
В конце концов накличем
Великих бед на головы свои —
Лень прочь стряхнем,
Вновь обретем величье,
Упремся в землю прочно.
Нас — не зли!
Надеялись, что безвозвратно сгинул,
Утоп иль вымер с пьяни наш мужик?
Так слушайте, как грянет над равниной
Очнувшихся от сна медвежий рык!
Не вам нас хоронить.
И боле — не холопы
У трезвых — вас!
Пускай доверчив, прост
Народ наш, но не раз топтал Европу.
Забыли вы, каков он в полный рост?!

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Что за жуть! Осенний ветер
Воеет и мешает жить,
Будто б он один на свете
Смеет плакать и тужить,
Будто б в свете одно горе —
Лишь его, других бед — нет.
Заунывная ночь вторит,
Теребя неона свет.
Фонари скрипят и гаснут,
Тени с кладбищ к нам ползут,
Плач мерещится ужасный,
Словно мертвого везут.
За рекою, в чистом поле
Кто-то кружится во мгле:
Заплутавший поневоле
Или ведьма на метле.
Это лишь осенний ветер,
Непогода... Отчего ж
Нас отчаяньем он метит,
Нагоняет страх и дрожь?
И мы шепчем, замирая:
— Слушай, что он там поет,
Неужели он все знает
Про несчастья наперед?
Пусть же стонет он и плачет,
Ну а я ему назло
Верю в скорую удачу
И счастливое число.
Ведь не вечны в этом свете
Скрежет, вой и злая тьма.
Это лишь осенний ветер,
Он уснет, придет зима.

ВОРОНЫ

Мы ведь любим, чтоб поровну,
Всем сестрам — по серьгам.
И досталось — по ворону,
По сопернику нам.
Ворон ждет-дожидается
Битвы скорый исход.
И враг лютый старается,
Только зря — не возьмет.
На родимую сторону
Я не раз погляжу,
И кормить черна ворона
Я еще погожу.
На родимой сторонushке
Лебеда и бурьян,
Тетки, сестры да вдовушки —
Мужики мрут от ран.
Долго плуги да бороны
Своих пахарей ждут.
Вон иных уже вороны
В чистом поле клюют.
Хоть вернемся усталыми,
Павших нам заменять,
Да с сиротами малыми
Весь бурьян корчевать.
Мы ведь любим, чтоб поровну,
Всем сестрам — по серьгам.
И досталось — по ворону,
Да по ворогу нам.
Всем по ворогу страшному,
Нет честней дележа.

Как идти в рукопашную,
Каждый молча решал.
После боя веселого
Сон всем очи слепил...
Кто с женой спал, кто с вороном:
Как Господь рассудил...

НА РАСКОПКАХ

И были стены из речного тростника,
И был очаг, а за окном текла река,
А на столе в кувшине пенилось вино...
Все под слежавшейся землей погребено.
Пять тысяч лет назад здесь высохла река,
Исчезли стены, стол, и ложе, и мука.
Вот статуэтки, обожженные в огне,
Да черепки, да пепла слой на глубине.
В осколках вазы благороднейшая пыль
Непостижимую для нас вобрала быть,
А жезлы царские и символы любви
Уходят в землю и выходят из земли.
Лишь кости хрупкие остались от людей,
Их иногда находит лемех среди полей.
И невозможно все загадки разрешить,
Пыль стен от пыли человеческой отделить.
Под вечным небом не заметен среди забот,
Но нескончаем пыли сей круговорот:
Прах землепашцев, полководцев, пастухов
Стал удобрением для будущих веков.

* * *

Покуда земля способна
Вбирать, превращая в пыль
Всех нас и — отнюдь не зерна —
Деревья, дома, утиль,
Проржавевшие скелеты
Машин, цехов, поездов,
На ней отыщется место
Для будущих городов,
И будущим поколениям
Найдутся вода и хлеб,
Иль землю ждет превращенье
В огромный смердящий склеп.
Покуда земля способна
С лица своего стирать
Весь хлам, прикрываясь дёрном,
Здесь людям жить и мечтать,
Жить будут и принц, и нищий,
И в вечность уйдут года.
Земля — великий могильщик,
И пусть будет так всегда.

КАМЕННАЯ ЗАРЯ

Трудно поднять ресницы,
Каменный гул в ушах,
Окаменели лица
От пустоты в сердцах,

И надо мной нависла
Каменная заря...
Окаменелость мысли,
Строчки из букваря,

Окаменелость взгляда,
Время дневных проблем...
Помню, что жить мне надо,
Да вот забыла — зачем.

Горше, чем поражение,
Гибель своей мечты.
Цепь распалась на звенья
Ключьями пустоты.

Я готовилась к бою,
Обрастала броней.
И стою, как надгробье,
Над самую собой.

Каменные седины
Ветру не растрепать,
Солнечные картины
Мне не дано листать.

УСТАЛЫЕ МЫСЛИ

Жизнь, как жизнь. Все суета сует.
Кухня, стирка, детские болезни,
Промежутки редкие без бед,
Речи — об обыденном, полезном.
Где мне о возвышенном судить?
Просто всё и по-земному грубо.
И богиней мне ничьей не быть,
Только зря подкрашиваю губы.
Не воздушна я, хоть в облаках
Иногда не вовремя витала.
А потом бывала в синяках,
Чтобы впредь напрасно не мечтала.
Так вот и уходят день за днем,
И чудес на свете не бывает.
Все спалить бы голубым огнем,
Только... злости тоже не хватает.

* * *

С моей души сорвали кожу,
Она — нагая, но не смей
Мне говорить, что я похожа
На сумасшедших все сильней.
Я чувствую на расстоянии
Биение людских сердец.
Чужую радость и страданье,
Словно дыханье Бога жрец.
Душа страдает от вторженья
Чужих мне дум, но не солгу:
Оголена, под напряженьем,
И ваш покой взорвать смогу.

Душа хрипит, моля пощады:
«Остановись, остановись!»
По сумасшедшей автостраде
Безумная несется жизнь.
Мелькают лица в суматохе —
Друзья ль? Враги ль? Не разобрать.
От счастья подбираю крохи,
И те в руках не удержать.
И не на кого опереться,
Вокруг чужие холуи:
Остановись, чтоб оглядеться —
Вмиг вышибут из колеи.
Когда б в кювет — еще спасенье —
С кем не бывает — в грязь лицом!
А могут с явным наслажденьем
В асфальт впечатать колесом.
Крутая жизнь, крутые нравы,
И загнанной машины рык
Неотвратимостью расправы
До мозга костного проник.
...А там, где наклонились ивы,
Вдали от зачумленных дней
Родник журчит неторопливо,
Поет последний соловей.
Мне к безмятежному приюту
Свернуть бы, сбросив будней гнет...
Но гонка жизни жадно, круто
Вновь за собою волокет...

Я ПРИНИМАЮ БОЛЬ

О, нет, здесь не приют
Для нищих иль зверья —
Я открываю пункт
Приемки вторсырья.
А буду принимать
Не медь и не литье,
Не ворохи бумаг,
Не старое тряпье.
Я принимаю боль,
Ту, что мешает жить,
Я принимаю боль,
Что вас должна сгубить.
Немного дам взамен —
По лучику с небес.
Не все ль равно — зачем,
Каков мой интерес.
Я принимаю боль,
Она вам не нужна,
Я принимаю боль,
Ночной кошмар без сна.
Отдайте мне беду,
Тоску отдайте мне,
А я не пропаду,
Не утоплюсь в вине,
Не выброшусь в окно,
И слез в помине нет.
У каменной давно
На боль иммунитет.
Моих сто бед и сто,
Что я возьму у вас, —
Засохший лепесток

В гербарий в самый раз...
Кручинная юдоль —
Не лилии к ногам.
Я принимаю боль,
Что не под силу вам...

ОНЕМЕЛА

Онемела...
В ночь заполошную
на Купалу вошла немой.
Здесь хохочут, поют,
Полощутся
Юбки по ветру,
Визг хмельной...

Здесь всем весело.
Я — такая же,
Да вот губ разжать не могу.
Сторонясь от людей,
К вековой меже
Прочь от взглядов, от слов бегу.

В камне древние тайны спрятаны,
Но зачем они в высоте?
Мне вдруг чудится:
Я — распятая
Над землей вишу на кресте.

Оглянусь, ужаснусь:
Сколь охватит взгляд,
Все с крестами здесь.
Боже мой!
У одних кресты на груди висят,
У других кресты за спиной,
Словно крылья.
Но неподъемные,
Не взлететь с такими,
Не спеть.

А глаза к небесам —
Бездонные —
Поскорее бы улететь!

И не счесть собравшихся на небо.
Остаются, чья грудь в крестах —
Пали ниц перед гневным знаменьем
С Божьим именем на устах...

Нет, нет, нет...
Это только чудится.
Вон костры, там народ шумит,
Вон от ветра мельница кружится,
Колесо привычно скрипит.

Спят деревья да травы росные,
Ни к чему ворошить беду...
Лишь медведица семизвездная
Видит, как я в тоске бреду...

«Мы — на восток! —
И заря за спиной отстала, —
Мы — на восток,
ищем милое сердцу Небо!»

ЛИЛИТОВО ПЛЕМЯ

Кабы нам с тобой да пораньше
Встретиться так на десяток-другой годков,
Мы, как с пани-пан, и как с ханом-ханша,
Иль как в деревне родной крестьяне
Жили б, вставая с зарею ранней,
Поднимали деток бы семь али пять ротков.
Был бы наш дом не пуст,
Но не богат, конечно,
Главное то, что с уст
Слов не слетало б грешных,
Мол, не мила нам жизнь —
Некогда, знай — трудись.
Пили б вино не с горя, не от тоски пустой,
Что душу разъела ржой,
Пели б, ветрам залетавшим вторя,
Мы «При лужке...» и «Златые горы»,
Как певали отцы и матери,
Собравшись за праздничной скатертью
Всею большой родней.
Если бы нам с тобой,
Если бы нам с тобой...
Милый, потеряно столько времени
Даром, даром, в песок.
Но не бродяги ж без роду-племени,
Помним и чтим, из чьего мы семени,
Значит, в том был урок.
Значит, такая нам доля-долюшка:
Сперва хлебнуть до избытка волюшки,
С потом смывая пыль долгих чужих дорог,
Копоть и соль, и чужие запахи,

Чтобы вернуться сырыми птахами,
Грешными, каяться
К дому родному, на милый родной порог.

ЛИЛИТОВО ПЛЕМЯ

Вновь по чьей-то душе, судьбе
Я на шпильках пройдуся, процокаю.
В сей извечной игре-борьбе
Мне позволено быть жестокою.

Мне позволено выбирать,
Быть пастушкой или царицею,
Завлекая, кружить и лгать —
Мне ж воздастся за все сторицею.

За надменно-капризный взгляд
Отомстят мне печаль с разлуками,
За игриво-шалевой наряд
Сын воздаст, появляясь с муками.

Буду слезы лить в три ручья,
Полюбив молодого, нежного...
И покаюсь в том, что ничья,
Из лилитова рода грешного.

Над бедою, смеясь, лечу.
Кто вдогонку за мной отважится?
Знаю, я за все заплачу,
А пока хочу покуражиться!

* * *

«Я люблю и буду любить» —
Говорю так — и злюсь сама.
Я пыталась бежать, забыть,
Но, как прежде, схожу с ума
От насмешливо-чутких глаз,
От настойчиво-властных губ.
Дьявол нежный, в который раз
Я шепчу: «Будь уж лучше груб,
Чтобы легче было порвать,
Не хочу быть твоей рабой.
Чтобы вольной, свободной стать
Вызываю тебя на бой...»
И уйдешь ты надменно-злой.
Но лишь несколько дней пройдет,
Снова в доме моем покой
Телефонный звонок взорвет:
«Дома будь, сейчас прилечу!»
И приказ — дела отложить.
Не пойму сама, что хочу:
Целовать или задушить.

ДИАЛОГ

— Коль была моим ребром,
Встань на место,
На мою склонись ладонь
Мягче теста.
Словно воск, покорной будь,
Я — ваятель,
Так означил Евы суть
Сам создатель.
Будет вечным наших тел
Притяженье...

— Так ты любишь, иль берешь
В услуженье?
Чтоб мне голову склонить,
Как с повинной?!
Кто из нас двоих — гончар,
А кто — глина,
Поспешил определить
Ты напрасно.
И любя тебя, не буду
Безгласной.
Не приказывай — зови!
В зной и стужу
Подчиняюсь я любви,
А не мужу.
Перед ней склонялись
Все: феи, фавны,
Пред любовью мы с тобой
Равноправны.

* * *

Над быстрой водой проточной
Всплакну на закате дня.
Решил испытать на прочность
Меня, без вины вина.

Умоюсь водой прохладной,
Сброшу в реку печаль.
Что ж тебе, ненаглядный,
Даже любви не жаль?

Чутким и обнаженным
Словам не поверю вновь.
Солнцем мертворожденным
Стала моя любовь.

* * *

В параллельных мирах живем:
В один час выходим из дома,
Иногда поболтать зайдём,
Ты — к моим, я — к твоим знакомым.
Параллельность — словно во сне,
Никогда не догнать друг друга.
По опавшей рванусь листве,
Но спружинит мой мир упруго.
Вновь в свою колею вернусь,
Равновесия не нарушив.
Лишь бесцельная бродит грусть,
Своевольем терзая душу.
Геометрия плоскостей:
Вечно порознь — символ порядка.
И зачем, зачем средь гостей
Твои взгляды ловить украдкой?

ОБМАНИ

Я забыла, что есть любовь
На земле,
И брожу средь чужих миров,
Как во мгле.
Манит черной дырой окно —
Прыгнуть вниз,
И в смятении гляжу давно
На карниз.
Удержи, в сети слов поймай,
В омут глаз
Замани и сведи с ума
Хоть на час.
От развалин былых забот,
Прежних бед
Отвлеки, пусть тоска пройдет,
Словно бред.
Память-цепь хочу разорвать,
Всё забыть.
Злиться, плакать бы, ревновать —
Только б жить.

* * *

А тетка ахнет: «Порчу навели!»
И будет посылать к ведуньям-бабкам,
И горсть родной нашептанной земли
В мои карманы натрясет украдкой.
Заголосит: «Да краше в гроб кладут!
Поплачь, хоть душу облегчи слезами...
Тебе бы в церковь...»

Ноги не несут!

И не поднять мне глаз пред образами.
Что страшен даже нечисти лесной
Тоскливый взгляд покорного подранка,
Поверю в миг, когда, как от чумной,
Вдруг от меня шарахнется цыганка.
При чем здесь порча? Это ж я сама
Травлю себя заклятою любовью,
И толку нет в спасительных псалмах
И в оберегах, что у изголовья!

ОЖИДАНИЕ

Так долго я стояла у дороги,
Высматривая лик твой в сонме толп,
Что каменными стали мои ноги —
Я превратилась в придорожный столб.
Глаза от солнца каменной ладонью
Я заслонила. Отдых от хлопот
Просила я у Бога в бессезонье —
Вот и настиг дар Божий в свой черед.
И с небом грозным больше я — не спорщик,
Смиренно ждать готова много лет.
Боюсь лишь, что какой-то юный гонщик
На скорости спихнет меня в кювет.
Я, каменная, двигаться не в силах —
Засыпят снегом, а потом — землей.
Ни знак тебе подать, ни крикнуть:
«Милый!»
Я не смогу...

* * *

Нет, не насытить сердце ласками,
Все мало мне, границы нет.
Измяты все слова, истасканы,
Но жду их, жажду. Сколько бед
Еще накличу ярой страстностью,
Но кровь свою не заменить.
Коль пламя плазменное властвует,
Меня ль за пламенность винить?
А милый чопорно-испуганно
Сказал, что так любить — грешно,
И чтоб для всех мне быть поруганной,
Приклеил ведьмино клеймо.
Любви боятся очи синие —
И кол осиновый забит,
И надо мной, покрытой инеем,
Лишь ночь растерянно молчит.

* * *

Между ярим полнолунием
И ущербною луной
Я мечтала стать колдуньей,
Раскрасавицей лесной,
Чтобы в ласковые сети
Заманить тебя скорей,
Чтоб любовью ты ответил
На призыв любви моей.

А к другому полнолунию
Твердо я решила стать
Настоящею колдуньей,
Чтоб к чертям тебя послать.

ДВЕ СУДЬБЫ

Две судьбы, две мечты, две дороги,
Две мерцающих в небе звезды...
Как привычно усталые ноги
На земле оставляют следы.
Наши две безнадежных дороги
На развилке судьбины слились,
Отдохнув, помечтав о подмоге,
Но, не веря в себя, разошлись.
То ль смиреннейшая обреченность,
То ль тупой равнодушия взмах
Вдруг возникшую робко влюбленность
Погубили, развеяли в прах.
Но беру две свечи, как спасенье
От унылых ночей и тоски,
Зажигаю — и прочь все сомненья,
Заклинанье стучится в виски.
Две затерянных в поле дороги,
Заплутавшие в гиблой ночи,
Пусть сойдутся на тихом пороге,
Озаренном сияньем свечи.

Я брела к тебе по бурелому,
По снегам, по выжженной стерне,
В зной и в холод. Выходя из дому,
Знала — ждешь, мечтаешь обо мне.
Знала — в замке, в бурях уцелевшем,
С грустью ты мой образ бережешь.
В страннице продрогшей, огрубевшей,
Ту, что звал к себе, не признаешь?
Сучья в кровь мне кожу раздирали,
Думали узнать, кого ищу.
И репейник с грязью приставали
К некогда роскошному плащу.
Ждал наивной, трепетно-несмелой?
Нежность растеряла я в снегах.
Я же не на облаке летела —
Шаг за шагом с посохом в руках
Шла средь скал, полей, не знавших плуга,
Помнила одно: скорей дойти...
Что ж ты с нескрываемым испугом
Смотришь на уставшую в пути?

* * *

Об одном прошу тебя: «Будь!
Пусть не рядом, но где-нибудь
Здесь, под небом лазори нежной,
Средь лесов зеленых иль снежных...»
В бедах, радостях бытия
Об одном заклинаю я:
«Будь! И пусть от меня вдали,
Ты мне нужен поверх земли!»

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ

Солнце мое золотое, желанное,
Не покидай меня, не покидай,
Сбитую с толку сырыми туманами
Ночи губительной не отдавай.
Связаны мы и не ниточкой —
лучиком

Волоса тоньше, но не покидай!
Стал для меня не случайным попутчиком —
Солнце принес в мой заснеженный край.
Я без тебя знала ночи да сумерки,
Не было дней и не помню весны.
От сигареты в густеющем сумраке
Падали искры желты и красны,
Вот и все звезды, до боли знакомые.
Ты показал — есть немеркнущий свет,
Ныне любовью, издревле искомою,
Путь мой к тебе освещен и согрет.
Ты — мое солнце, а я — отражение,
Буду тебе незакатной луной.
Не покидай! наших душ притяжение
Держит тебя и меня над землей.

ПРИЕЗЖАЙ

Приезжай ты ко мне налегке,
С неизменной гитарой в руке,
Привози со своих берегов
Свежий запах роскошных снегов.

А в глаза для меня собери
Чистый отблеск вечерней зари.
Ты войдешь, юным ветром влеком, —
Засияет мой маленький дом.

Я не буду огней зажигать
И тебя о дорогах пытаться,
Лишь на столик поставлю свечу
И прижмусь к дорожному плечу.

Будет отблеск зари пламенеть,
Будет нежно гитара звенеть,
И расскажет про все, не тая,
Эта тихая песня твоя.

Я о бедах своих умолчу,
А за песню твою заплачу:
Слаще меда и крепче вина
Зацелую тебя допьяна.

Теплый свитер в дорогу свяжу,
Без печали назад провожу,
А потом дни и ночи опять
Буду песню твою напевать.

* * *

Низким — только о низости,
У святых — небеса,
Ну а мой рай — в той близости,
Что глазами в глаза.
Небо, пекло и соль земли —
Всё в любимых глазах,
Мои весны и февраль,
Моя нега и страх.
Тело страсти поборами
Лжет, но свята душа.
Раскаленными взорами
Пью любовь, чуть дыша...

* * *

Кто бывал в огне, тот поймет:
Я скучаю по пеклу.
В вихрях пламени сила, взлёт,
Не доступные пеплу.
Вновь любовью хочу пылать —
И пусть снова страдать и плакать —
Но не хочется привыкать
К жалкой участи шлака.

* * *

Мне —
 распутной и вздорной слыть,
Мне —
 в бушующих волнах плыть,
Мне —
 качая свой жалкий плот,
Петь на гребне бурлящих вод,
Всех, привыкших с оглядкой жить,
Всех — свободой своей дразнить,
Приставать к чужим берегам,
Рассеивая хаос и срам.
Тех, кому опостылел дом,
Уводить в развеселый шторм.
А неловких пускать на дно —
Не со зла, но так суждено.
Но и здесь, среди жестоких бурь
Не забыть мне земную дурь:
Мне —
 и выть с тоски, и рыдать,
О причале родном мечтать,
Мне —
 чужому вслед кораблю
Безнадежно кричать:
 «Люблю!»

* * *

В тебе моя сила,
Знаешь все сам.
Но где же носило?
По рекам-лесам?
Или по барам
Да жрицам любви?
Жгучим бы взваром
В очи твои!
Остепенился б,
Может быть, слеп,
Иль возвратился б
В тот же вертеп?
Хватит с натугой
В грудь свою бить.
Лживого друга —
Не грех разлюбить.

* * *

Шаги, шаги... Чужие...
Мимо, мимо...
Пригвозжена жестокостью часов
В смятеньи жду,
Когда ж неотвратимо
Раздастся звук единственных шагов.
Пришла же стрелкам дикая идея —
Нестись по-сумасшедшему вперед.
Я от догадки смутной холодею:
Неужто все?
Неужто не придет?

* * *

По крупицам, по ниточке — с миру
Время мы собираем для пиру.
Из-за жгучего страстного рвенья
У минут мы крадем по мгновенью,
По часочку — у сына, у дочки,
А у мужа с женою — по ночке.
В наворованном счастье купаемся.
После, после, пожалуй, расскажем,
А пока, хоть за грех себя гложем,
Но и жить друг без друга не можем.

* * *

По крупицам, по ниточке — с миру
Время мы собираем для пиру.
Из-за жгучего страстного рвенья
У минут мы крадем по мгновенью,
По часочку — у сына, у дочки,
А у мужа с женою — по ночке.
В наворованном счастье купаемся.
После, после, пожалуй, раскаемся,
А пока, хоть за грех себя гложем,
Но и жить друг без друга не можем.

* * *

Нет откровенности наполовину,
Как нет любви без слияния душ.
Есть лишь дурман, есть туман из низины
Жгучих желаний в реальности стуж.
Гейзер горячий в промерзшей пустыне
С холодом спорит, пытаюсь в пару
Снег растопить, но сам медленно стынет
На ледяном беспощадном ветру.
С явью мечта моя не совпадает:
И как от зелья ослепший шаман
Я, обреченно глаза закрывая,
Пью настоявшийся самообман.
Ложе свое миражами укрыла,
Спряталась в них, сладки мысли мои.
Даже неважно, кого пригласила
Нынешней ночью мне петь о любви.

* * *

И нищему достались колоски
С чужого поля.
А мне — в полнеба занавесь тоски,
Знак бабьей доли.
Как ни мечусь, не разорвать сетей,
Гнетущей власти;
Нет спутницы удушливо верней —
Весь свет мне застит.
И рядом с ней — до гробовой доски
Любовь с бедою.
Неужто лишь в России от тоски
Так бабы воют?

* * *

Вот меня по имени-отчеству
Величают: «Чего ж Вам хочется?»
А мне хочется, чтоб по имени,
Чтоб по имени с нежным суффиксом.
Поперек лба резкие линии
Сразу б сгладились, улетучились.
Потому что именем-отчеством
Именуется одиночество.

* * *

Незаслуженный твой упрек
Поперек любви, поперек...

Ты под ноги любви моей
Бросил много таких камней...

На беду, видать, на беду
Я упрямо к тебе иду...

* * *

Слова уже не достают:
Достроен замок.
Я среди камней нашла уют.
Лишь траур рамок
Пусть вам сурово намекнет
На боль отпевших.
Октябрьский дождь слегка всплакнет
О тех, ушедших.
Вбирает опустевший храм
Остатки силы.
Сама себя здесь по частям
Я хоронила.
И данью времени, тому,
Что отзвучало,
Едва заметный пенный след
В тени причала.
Пусть безоглядная печаль
В воде разлита.
Мне тихих волн уже не жаль —
Я среди гранита.

* * *

Мне твердят:

«Будь как все, уймись,

Научись время слушать.»

Я и слышу:

Вот взмыли ввысь

Нерожденные души

И курлычут, как журавли,

Тяжело и протяжно,

Стонут, мечутся вокруг земли.

Разве это не важно?

Журавли, расплескав печаль,

Возвращаются в гнезда,

А отвергнутых душ шушваль

Ждут лишь мертвые звезды,

Ужас черных студеных дыр

Тянет издали, тянет...

Сколько тех, что отверг наш мир,

Сколько там еще канет?

Мы все любим стенать, тужить

Без причин.

Но послушай!

Как мечтают хоть день прожить

Бесприютные души!

Тихий вздох из глубин мироздания,
Шелестящий, чуть слышный ответ
На вопрос мой. Что в нем — назиданье,
Откровенье иль мудрый совет?

Не понять. Но гармонию звуков
Звездной музыки сердцем ловлю
И всей кожей в них чувствую муку,
Боль, тревогу и чьё-то: «Люблю...»

«Всех люблю, обо всех сожалею...»
Фраз обрывки, смутившие тьму,
И печальнейший вздох эмпирея
Иль земли. Не пойму, не пойму...

Балансирующий возле бездны
Мир наш в вечности кем-то любим,
Потому, может быть, не исчезнет
В пасти ада — не нами храним.

Но дым смрадный и жадное пламя,
Расщепляя сердца и умы,
Подбираются к нам языками,
Ждут, что в бездну провалимся мы.

Потому-то едва различимы
И напрасно звенят в вышине
Те призывы к незрячим, гонимым,
Что сегодня пригрезились мне.

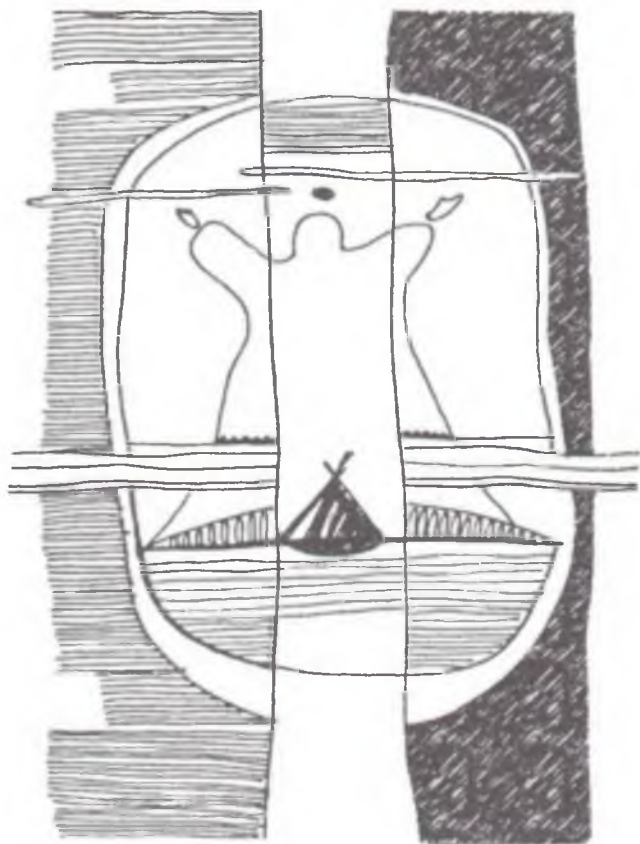

Пустота, пустота без предела...
Высоко я с земли улетела.
Горю, страсти, календарю
Неподвластна теперь. Парю
Над пожарищами, над болью,
Над земной соленой юдолью.
В жизни слезы и кровь вокруг,
Не спасают ни дом, ни друг.
В звездной бездне же — чинно, пышно,
Плача, жалоб уже не слышно,
Боль осталась там, на земле,
В копошащейся бурой мгле.
От предательств, невзгод, болезней
Мне спасением стала бездна,
Бездна черная между звезд,
Между страхов и между слез.

ВОЛЧИЦА

Ну а тот сказал: я волчицей
Одиноко рыскаю в поле...
Шутка принята. В дерзких лицах
Я свою прочитала долю.
Нелюдимой быть и гонимой
С ярлыком, приклеенным крепко.
И блуждать в потемках незримо,
Обдирая сучья и ветки.
Кто-то будет вновь потешаться:
К едким шуткам всегда готовы,
Мне же вновь по лесам скитаться
И искать заветное слово.
А когда я в тоске завою,
Отравляя горечью ночи,
С утешеньем, гордясь собою,
Не спешите: встречу по-волчьи.

КОЛДОВСКИЕ НАПЕВЫ

СМЕРТЬ КОЛДУНЬИ

Далеко за белым безмолвьем,
В тишине промерзших болот,
Положив звезду к изголовью,
Смерть лесная колдунья ждет.
Ей известны людские тайны,
Ей понятно движенье звезд,
Будет радостным и печальным
Уходящей колдуньи тост.
Ей, дряхлеющей, не под силу
В сердце леса хранить очаг,
Но глаза и вблизи могилы
Различают, где — друг, где — враг.
Ее песня прервется плачем:
Развелось в лесу чужаков!
Легкомысленная удача
Предала.
Нет страшной оков
Неисполненного обета —
Из рук в руки жезл передать.
Я спешу. По трясинам летом
Бесполезно пути искать.
Знаю, встретят как королеву
Средь суровых лесных палат
И под древние вьюг напевы
Отсекут дорогу назад.
И в морозное полнолуние
Будет ночь в багряном огне,
И покинет землю колдунья,
Лес доверив колдунье — мне.

ЦЫГАНКА

Вдоль окошек неказистых,
Ставни теребя,
Ветер пляшет, рвет монисто
С шеи у тебя.
Хитроумные затеи,
Зла литая статья.
У какого чародея
Ты училась лгать?
Из какой земли был изгнан
Странный ваш народ?
Как свершает свои тризны
И куда идет?
Впрочем, все мы здесь — скитальцы
От беды к беде.
Счастье, как вода — сквозь пальцы,
Да и нет нигде.
Мне открой свои секреты.
Неужели жаль?
Подарю тебе за это
Расписную шаль.
Я хочу пойти в край дальний
Ваших праотцев,
Там хочу узнать все тайны
Древних мудрецов.
Что ж ты, хитрая, хохочешь?
Споришь — не успеть?
Знаю, неспроста пророчишь
Мне так скоро смерть.
Злым словам твоим не верю,

Ворожбу учу.
Жизни я себе отмерю,
Сколько захочу.
Предрекаю твое горе,
Цепь суровых дней.
Мы с тобой еще поспорим,
Кто из нас сильней.
И потом уж, дорогая,
Ты не обессудь,
Коль убавить пожелаю
Я земной твой путь.

КОЛДУНЬЯ

Что-то варится в котле у колдуньи молчаливой,
Пламя лижет черноту старого котла.

На поляне лишь она да костер нетерпеливый,
Робко клонится к воде тонкая ветла.

Вот колдунья корни трав, шкуры змей
бросает в воду,

Рысий коготь, волчий клык, ость орлиных крыл,
Да с кладбищенских крестов в грозовую непогоду
В полночь знаки соскребла...

Много-много сил

Забирает у нее это зелье колдовское.

Третьи сутки на ногах, не до сна сейчас:

Нужно ветер умирять, подливать в котел настои

Да подкидывать дрова, чтоб огонь не гас,

Да заклятья наложить на все тропки и дороги,

Чтоб на десять верст вокруг не бродил никто,

Чтобы даже сам лешак

не поднялся из берлоги,

Чтобы с дерева не пал ни один листок.

Нагуляются еще, а пока пусть не мешают,

Пусть погаснут над костром трижды три зари.

Будет сила в зелье том неизмерянно большая,

Смогут с пользой пить его лишь богатыри...

Было раз уже такое: дух огня да ветер шалый,

Чуть колдунья утомилась, опрокинули котел.

Ох, и лихо пронеслось по лугам, полям, увалам,

И безумье охватило люд окрестных сёл.

Что творилось там с народом,

даже и припомнить страшно.

Обезлюдел край: тот выжил, кто отсель убог.
И боится вновь разлить чародейственное брашно,
И заклятья закрутила в путаный клубок.
А остудит, усмирит, разольет по темным склянкам,
Будет мертвым и живым ведьмино питье.
Может, всех и воскресит?
Может, встанем спозаранку:
Возродился край, поет?
Эх, кабы знатьё...

* * *

Косы не расчесывай под луной,
Не танцуй над заводью ледяной,
Не буди былое пророчество —
Неизвестно, чем это кончится.

Мерзнут в чистом поле богатыри,
По кустам волочатся упыри.
Не колдуй, а то доиграешься,
С кем-нибудь из них повстречаешься.

Под луной алмазным стал бережок,
Под ногами звонко скрипит снежок.
Пусть удача будет с тобой в пути,
С древним заклинанием не шути.

Косы не расчесывай под луной,
Не колдуй над заводью ледяной...

В ком нет греха, пускай бросает камень
Теперь — в меня.
Я возвышаюсь у столба над вами,
Я — жду огня.
К ногам свалили воз сухих поленьев,
Вот вспыхнет — скор —
Не знающий ни страха, ни сомнений
Шальной костер.
За то, что я люблю огня безумства,
Мне в нем — гореть!
Здесь люди не прощают вольнодумства,
Влекут на смерть.
Кто не грешил, пускай подносит факел
Или свечу,
Но бойтесь, бойтесь моего проклятья,
Я — отплачу!
Мне ангельская кротость не знакома,
Я — бунт и месть.
Мой крик в толпу с пылающего трона:
«Отмщенье — есть!»
Оно придет неспешно и жестоко
Вновь из огня
К тому, кто, сам подвержен всем порокам,
Травил меня,
Кто, тайный грех свой пряча, бросил камень
Неотразим,
Кто с радостью дрожащими руками
Плеснул бензин.
Что б ни было, мой путь далек и светел —
Придет весна.
Ведь ветер соберет в костре не пепел,
А — семена!

ВЕДЬМИНА БАЛЛАДА

Какие вы все-таки странные,
Иначе не скажешь о вас,
И речи ваши обманные
Пустые, когда без прикрас.

А вы меня странной считаете
От пяток до головы.
И то хорошо: понимаете,
Что я не такая, как вы.

А я не вашего племени.
Такие, как я, редки.
Разбросаны мы по времени,
Как звездные мотыльки.

Не первый раз в этом свете я,
Мне властвовать довелось.
В двенадцатом дальнем столетии
Мне, помню, все удалось.

Любила я ворожить в ночи,
В дыму лесного костра.
И слушали звери, как стучит
Бубен мой до утра.

Кого хотела, тот шел ко мне
В лесной зеленый шатер
И был горячей и шелковой,
Чем мой горячий костер.

Влюбился в меня великий князь —
Его прокляла родня.

Но оспа в городе пронеслась,
А он всё жил у меня.

И вот по первому инею
Пришли с поклоном просить:
Он — князем, а я — княгинею.
Он — править, а я — лечить.

Ах, только его не сумела я
От старости уберечь.
А были и слуги смелые,
Да всем пришлось в землю лечь.

Потом — другие пожарища,
И я сгорала не раз.
Осталось мало нас, знающих,
Не подымали глаз.

Судьба была к нам жестокою,
Гнала, как дьявольских слуг.
Теперь живу одинокою,
И нет у меня подруг.

Но сила моя опять при мне,
Всех слуг своих собрала.
Вернется князь на белом коне,
Не зря сквозь огонь я шла.

Скребок счищаю с лохмотьев грязь,
И знаю, недолго ждать:
Вернется скоро мой светлый князь,
И с ним великая рать.

Уж не придется волчицею
Мне прятаться по лесам.
Я снова буду царицею
На горе и радость вам.

И пусть буду вам постылою,
Но вечный выстрою храм.
И князя — светлого, милого —
Вновь смерти я не отдам.

* * *

Ангел мой, ангел мой, ты устал
За меня с моим демоном биться.
И его ненасытный оскал
Нависает. И негде укрыться...
За стеклом хрусталя перезвон
От его похотливого смеха.
Плачу ль я, иль глушу в себе стон —
Все забава ему и потеха.
Ангел мой, чистый мой, я грешна,
Предавала тебя, демон знает.
Тянет вниз, словно камень, вина,
К бездне, к демону ближе толкает.
Где взять сил? Где поддержку искать,
Иль надежду мне сразу отринуть?
О, суметь бы души злую часть
Вырвать с корнем и в пасть ему кинуть.

Вам нравятся юные девы?
Но это недолго, на час.
Свои колдовские напевы
Еще я не пела для Вас.
А как запою — прочь бегите:
Лекарства от чар моих нет.
Свечным воском уши заткните,
Иль станет не мил белый свет.
Сготовлю покрепче отвары,
Свой бубен от пыли протру.
Все — кто молодой и кто старый
У ног моих будут к утру.
Я их прогоню. Ни к чему мне,
Навалом такого добра.
Пусть будут безумных безумней,
Мне все это — только игра.
И пусть они кинутся к Богу,
С тоски люто ведьму кляня.
А мне, где найти мне такого,
Чтоб заморозить мог меня?

* * *

Побитой собакой обратно ползу
К хозяина строгой руке.
Он снова был прав, насылая грозу —
Нельзя строить дом на песке,

Он снова был прав: я напрасно кляла
Судьбы своей жесткий закон,
Напрасно рвалась, закусив удила,
За счастьем чужим напролом.

Вновь дом на песке — на безверье и лжи —
Я строить не буду. Но как
Приют обрести, если сквозь миражи
Не вижу, где Божья рука?

ВОЗЛЕ ХРАМА

Отжать память бы, как лимон,
От настойчивых снов.
Вновь пыталась судьбы закон
Протрясти до основ.
Счастьем да Божьей милостью
Не балован мой дом,
И с угрюмой решимостью
Я пошла напролом.
Все месила: и снег, и грязь,
Грязь летела мне вслед,
Неотступно за мной гналась
Свора козней и бед.
Я, в укор настоящему,
Мечь, как знамя, несла.
К храму, в небо летящему,
Наконец, приползла.
И молюсь у подножия:
«Оградите от бед,
Справедливость где ж Божия?»
Лишь молчанье в ответ.
Мне б хоть слово отрадное,
Пусть же счастья дадут!
А они, беспощадные,
Покаяния ждут.
Ждут святого смирения,
Взамен мести — любви.
От меня ждут прощения
На моей же крови.

МОЛИТВА НЕВЕРУЮЩЕЙ

О, Господи, прошу тебя помочь,
Хотя просить, быть может, я не вправе,
Я — блудная, бунтующая дочь,
Языческой подвластная отраве.
В иконный лик с сомнением смотрю:
Усталый взгляд, богатые одежды.
Но, сомневаясь, все ж благодарю,
Что есть она — соломинка надежды.
О, Господи, хочу все знать, все сметь,
Свершений всех найти первопричины.
Ну неужель советуешь надеть
Мне фарисейства лживые личины?
Ведь, может быть, надежнее всех слуг
И преданней рабов Твоих я буду.
О, Господи, молю до дрожи рук,
Даруй же мне — неверующей — чудо!

* * *

Я стучусь, стучусь в ворота, как велели,
Но не слышат меня в горней цитадели.

Я взываю перед дверью: «Отворите,
Я дары для вас несу. Прошу, примите!»

Но глухой у них привратник или сонный,
Или день сегодня выпал неприятный.

Все дары со мной, в котомке — не пропали,
Лишь надежду на спасенье отобрали.

Быть нежной, домашней, уют создавать
Ему, закаленному в битвах,
Младенца качая, ночами не спать,
О муже слагая молитвы,

А в доме всегда наготове держать
Вино и горячую воду,
Чтоб встретить, умыть, накормить и обнять
Вернувшегося из похода,

Любовно трофеи расставить вдоль стен,
До блеска начистить доспехи
Смогла бы и я, только выпали мне
Другие дела и утехи.

Я дом, словно крепость, сама возвожу,
Сама и с мечом, и с кресалом,
И дедов кольчугу привычно ношу
Да шлем с искривленным забралом.

Друзья у меня — верный конь вороной
Да двое волчат шаловливых.
Разбойные люди давно стороной
Обходят мой дом горделивый.

Но гордость моя и меня тяготит:
Весну, зиму, лето и осень
Я витязя жду. И кольчугу, и щит
Готова к ногам его бросить.

Варить стала б пиво и мясо коптить,
Дух хлебный бы в доме прижился...

Но тот, кого жду, видно, сбился с пути,
Иль просто на свет не родился.

И только одни разбитные ветра
Ко мне залетают погреться.
Да за очагом раздается с утра
Сверчка торопливое скерцо.

НАДЕЖДА

Пусть знаю: чудо невозможно,
Но верю слепой живу.
И сердце ждет, стучит тревожно:
Вот-вот свершится наяву.
Мой дивный сон наивней сказки
Реальным станет, час пробьет —
Открою двери без опаски,
Приму судьбы поворот.
И докажу всем с удивленьем,
Что стоит жить, судьба мудра,
С забытым детским умиленьем
Поверю в торжество добра.
Надежда трепетна и хрупка,
Она — последнее, что есть.
Но белоснежная голубка
Все ж принесет благую весть.
Мой день придёт — я в это верю,
Я лишь надеждою живу.
...Но только стужа в мои двери
Пока вползает наяву.

Читаю память:
День один затерла почти до дыр.
Обуглился от пристального взгляда
Лист,
Где тот день записан.
И даже страшно:
Ненароком дуну — он в прах рассыплется,
А как восстановить?
Я чувствую, что надо, надо, надо
Другое что-то мыслями мозолить,
Но не могу отвлечься, не могу!
...Так может быть, и вправду мне пора
Сжечь этот день и по ветру развеять,
Чтоб не держал меня, чтоб дал уйти?
Нет, не смогу!
День этот был прекрасен,
Да жаль, что продолженья нет ему...

* * *

По болоту из соблазнов
И обманчивых надежд
Как пробраться, не завязнув,
Не запачкав край одежд?
Здесь чистюль вы не найдёте:
Копоть, вонь да комарье.
На болоте, на болоте
Ненадежное житье.
Вон маячит бледный кто-то:
Как нам выйти, подскажи?
Или это дух болотный
Напускает миражи.
Искушая, задурманит,
Коль не сгинешь — повезло!
А глаза пустые ранят,
Как разбитое стекло.

* * *

Пред которым из богов не повинна?
Отдала людям добрым сына,
Люди с воплем диким: «В вере усердствуй!»
Принесли ее сына в жертву.
Причитает, тех людей проклиная,
Кто — преступница она, иль святая?

* * *

Рыдают матери у вспоротых могил
И к небесам протягивают руки.
«О, Господи, зачем ты научил
Детей слать на бессмысленные муки?
О, не равняй с собой нас, пожалей,
Мы не для войн растили сыновей.»

* * *

Тишина и печаль в доме —
Это счастье мое в коме.
Потянуло в ночи хладом,
А мне чудится: адом, адом.

* * *

И я, как все, толкусь в очередях
Предпраздничных
И делаю закупки,
А принесу домой:
«Кому? Зачем?» —
Выкладываю молча в холодильник
Да вновь иду бродить по магазинам.
Быть может, хоть на этот раз
Удастся мне оттуда
дух праздника
в пустой дом принести.

* * *

Там, на уровне моих

Глаз

За окном ночной фонарь

Гас.

Ночь прошла, а мне все сна

Нет,

Стерегу я фонаря

Свет.

Здесь, на уровне моих дум,

От бессонницы в ушах шум,

От бессонницы в мозгу бред.

Даже стены мне кричат: Нет!

Сколько ж нужно пропустить

Снов,

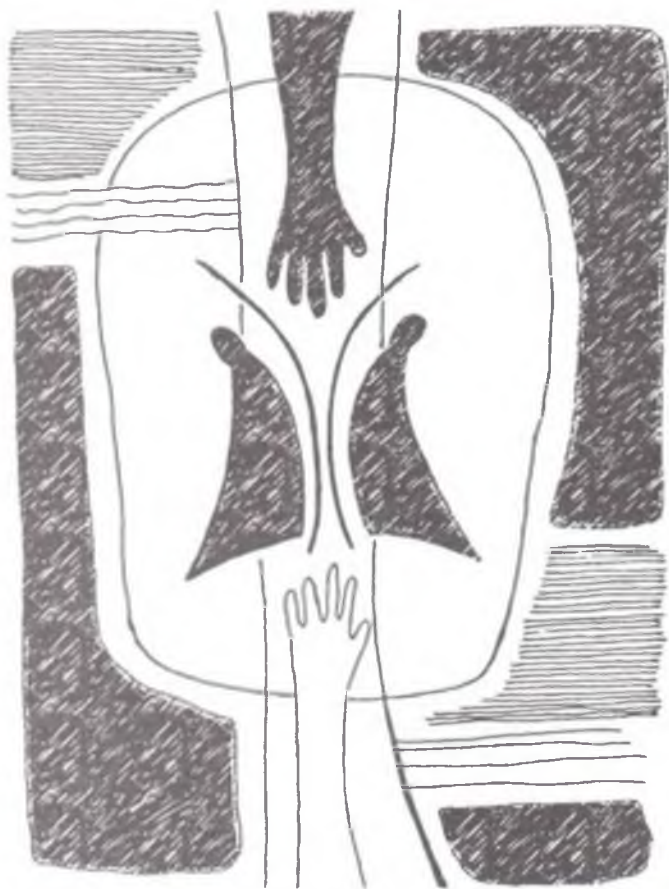
Чтоб понять язык ночных

Сов?

* * *

Как дню даны мгновенья,
Чтоб растратить
Себя на них и стать вчерашним днем,
Так мне даны слова любви, заклятий,
Молитв о счастье, о пути своем.
Вот день уйдет.
Отдельные мгновенья
Мы в памяти, быть может, сохраним,
И я уйду со вздохом сожаленья,
Оставив шлейф словесный, словно дым.
Стихи мои, как выжимки из жизни,
Останутся.
Слова, слова, слова...
А если б я молчала, путь до тризны
По мне длинней бы был,
И легче ли?
Едва ль...

МЕЖДУ МИРАМИ

МЕЖДУ МИРАМИ

В волнении скольжу по грани
Тончайшей — между мирами:
Меж миром надежным, прочным
И ветрено-неурочным,
Меж каменно-неделимым
И вечно-неуловимым.
На грани много печали
О краткосрочном причале,
О том, что пока жизнь длится,
Мирам ни за что не слиться,
И вечно, как берег с морем
Граничит с радостью горе,
Ясность — с непостижимым,
Разлука — с нерасторжимым.
Здесь все есть —
И быль, и небыль.
Два мира — земля и небо.
А я скольжу меж мирами,
Пользуюсь их дарами:
Земля наделяет хлебом,
А песней щемящей — Небо.

* * *

Мне б тихую-тихую песню,
Мне б сладкую-сладкую боль.
С печалью рассветы чудесней —
Во всем своя горечь и соль:
Веселье уходит, обманный
Оставив на памяти след.
И счастье — где ж взять без изъяна? —
Оно из поверженных бед.
Лишь грусть неделима на части —
Густа, молчалива, как ночь.
Поманит непрочное счастье,
Но грусти не выгонит прочь.
Мне б тихую-тихую песню,
Печальный-печальный мотив.
Для горького счастья воскресну,
В слезах свою душу промыв...

* * *

Потом, потом, когда-нибудь потом
Вернется смех в отчаявшийся дом.
Лишь нынешнее горе пережить,
Лишь нынешние слезы осушить.
Боль дребезжит в надрывной тишине,
Боль горечью расплавлена в вине,
Но время потихоньку, без затей
Ее измельчит в мельнице своей.
И лишь на дне бокала да сквозь сон
Еще услышим боли прежний звон.

* * *

И только небо здесь то же самое,
Что сто и тысячи лет назад.
Туч караваны в поисках гавани
Над нами, смертными, вдаль летят.
Но тучья жизнь еще быстротечнее,
Неповторим каждый солнца блик.
Так в рассужденьях о бесконечности
И небесах я зашла в тупик.

* * *

Может быть, солнце гореть не хочет?
Обожженное тело
Окунуть бы в прохладу ночи.
В ливень оно б хотело?
Но судьбу изменить не властно,
Потому и пылает.
То, что жизнь без него угаснет,
Обреченное, знает.

* * *

Я сквозь себя рассматриваю мир.
Такая линза вряд ли безупречна.
Я вижу мир, где каждый шаг и сир,
А жизнь в сравнение с миром быстротечна.
Трактаты о борьбе добра и зла,
Как вечной неизбежности, читаю:
Гляжу на мир в кривые зеркала,
И сколь они кривы, не представляю...

* * *

Бессилье бесило
Надежды гасило,
Ногтями скребло
О бетон серых стен...
С бессильем не сдюжить!
Прошу вас снаружи
Откройте, прервите
Горчайший мой плен...

* * *

Ласковый, но чужой
Играет моей душой,
Играет наверняка,
Усмешка его горька.
Ему там, в его дому
Тяжко жить самому.
И шепчет он, как в бреду:
«Уйду от нее, уйду».
Но знает сам — не уйдет.
И мечется он, и лжет,
Как тень между двух огней,
Из рук моих — прямо к ней...

* * *

А тебя я так зацелую,
Чтобы без меня — не житье,
Чтобы сладостней аллилуйя,
В небе пело имя мое.
Стой, мгновение! Пусть умру я,
Ничего не хочу потом.
Раствори меня в поцелуе
И запей хрустальным вином.

* * *

Мне благодарны за постой,
И все ж неловко,
Что греюсь у любви чужой,
Я — как воровка.
Ко мне влюбленные спешат —
Здесь кров и ужин.
А мне лишь взгляд,
Счастливый взгляд,
В уплату нужен.
Перехвачу влюбленный взгляд
Как лучик света,
А дальше пусть уже таят
Свои секреты.
Услышу шепот за стеной:
«Родная», «Милый»
И улыбнусь: ах, и со мной
Такое было!

* * *

Усталым взглядом комнату окину:
На дно зеркал
Твои скользнут черты,
Ну а во всех углах,
Как паутина,
Висят обрывки розовой мечты.
Так завершилась неопределенность.
«Всё к лучшему, — шепчу, —
Честнее — знать»
Но мне и неокрепшая влюбленность
Давала силы верить,
Жить, мечтать.
И незаметно день проходит мимо,
Невластный здесь что-либо изменить.
Быть беззаботной и тобой любимой
Мне не дано.
И с этим нужно жить.

* * *

За любовь бы — все, что имею,
Но мне — нищей — нечем платить.
Потому глаз поднять не смею,
Чтобы твой покой не смутить.
Что отдать? Усталое тело
Да души истерзанной дрожь?
Груз обид — их много насело,
И привычкой ставшую ложь?
Нет, ты встретишь чище и тоньше,
Я от всех печаль утаю.
О, мой взнос за любовь всех больше —
Я саму любовь отдаю.

* * *

Как в пропасть с крутого обрыва
Бросаюсь в объятия любви...
Отчаянно, дерзко счастливой
Хочу быть. Любимый, лови!
Удержат ли крепкие руки,
О камни ли я разобьюсь?
Но благоразумной науке —
Беречь себя — я не учусь.

* * *

Март...

Капель и запах обновленья...

Солнце всем дарует добрый знак.

И я тоже жажду возрожденья,

Только снова все идет не так.

Я ждала божественного дара:

Новой жизни — тихой и простой.

А пришла ликующая пара

В гости — насмехаться надо мной.

Вздуроражили, лишив покоя:

— Что? — кричат. —

Навеки ты одна?..

У меня в гостях сегодня двое

Злых и пьяных: вечер и весна.

СЕНОКОС

Сенокос, сенокос...
Ветер песню принес
Из далекой и щедрой поры,
Песню звонкую кос,
Легкий шелест берез...
Все ушло, как в другие миры.
Вижу, как сквозь туман
Косарей вольный стан.
Травы спелые пахнут росой...
В обрамленьи лучей
Словно Бог, и — ничей,
Для меня всех милей холостой.
Вот идут чередой,
Впереди молодой.
А глаза и дерзки, и нежны...
Как прокосы ровны,
Как же песни дружны,
Как мечты веселы и хмельны!
Сенокос, сенокос!
Отдых — руки вразброс,
Шутки с перцем, как чтут косари...
Танцы тихие звезд,
Поцелуи взасос
Под душистой скирдой до зари.
Вижу все, как сейчас,
Дым костра режет глаз...
Но кто ж в белом за ними идет?
И коса на плече...
Леденеет ручей...
Косари же уходят вперед.

Все удалы, сильны,
Все беспечны, вольны...
Но судьба тоже машет косой.
Только песни да сны
Им остались верны,
Только в грезах жив тот —
Холостой...

ТИШИНА

Явь или продолжение сна?
Загрустила ли осень — красна?

И тоской рыжевласой полна
Захватила весь мир тишина.

Захлебнулись заката лучи:
Только слушай ее и молчи.

Тишина... Тишина... Тишина
Одурманила крепче вина,

Утопила и звезды, и пыль,
Перепутала небыль и быль

И, как осень, ненужный ей хлам
Побросала небрежно к ногам.

И шуршат под ногами слова,
Как опавшая с кроны листва.

Собираю слова среди мха:
Шелуха все, одна шелуха...

Где же слово, что в вязкой ночи
Серебристой струной зазвучит

И излечит от ноющих ран,
И прогонит нависший туман?

Без него я больна, я пьяна,
Но укрыла его тишина.

И теперь — хоть кричи, хоть молчи,
Заблудилась я в черной ночи...

Это было, о, это было:
Обжигая, солнце палило,
Ослепляло, жгло, разрушало
И надежды не оставляло.
Безнадежно жалок приют:
Желтый взгляд сверху жгуче-люют.
Все мы — жертвы в его лучах,
Родник жизни высох, зачах.
Один выход — глубже в песок,
Проклиная жестокий рок.
Но могучему палачу
Я упрямое «нет!» кричу —
«Даже если и умирать,
Хочу видеть, слышать и знать!»
И по красным, злым, как зола,
Диким скалам наверх ползла.
Вдруг ревуций пламенный шквал
От камней меня оторвал,
Обжигая адской жарой,
Закружил меня над землей.
Как красив он — огненный вихрь.
Но вот смерч внезапно утих,
Сжался и мелькнул небосвод —
Оземь грохнулась я с высот
И очнулась средь острых скал.
Камень жесткий от крови ал.
И гремит, грохочет злой смех:
«Что, взяла? Будь же ниже всех!»
Но, сжав зубы, в ответ молчу
И упрямо раны лечу.
Тешьтесь, смейтесь,
Я — поднимусь
И на гору свою взберусь!

О ПЕСНЕ

Как хочу я снова окупиться
В слов плетенье, в кружева стихов,
К песне незаконченной вернуться,
Ей отдать всю нежность моих снов.

Чистойю щемящею печалью
К жаворонку в небо улететь,
С ним кружа над призрачною далью,
Эхом, ему вторящим, звенеть.

Взять раздолье у степной зарницы,
У ночного неба — глубину,
У дождя — уменье раствориться,
Умирать, приветствуя весну,

Бурное веселье водопада,
Блеск хрустальной капельки росы,
Золото осеннее из сада,
Клокотанье огненной грозы...

И собрать все по крупичам вместе,
Через сито ветра пропустить,
Чтоб сама собой сложилась песня,
От которой станет легче жить.

СОВЕТЧИКУ

Коль нету собственных идей,
Отдайся спорту.
И не таких учителей
Я слала к черту.
У вас на жизненном пути
Сплошные знаки:
Где — отдыхать, а где — идти,
Чем чистить накипь.
Мне скучно так, я — напрямик,
По бездорожью!
И крестятся, зажавши крик,
Объяты дрожью.
А я люблю дразнить таких,
Бесцветно строгих,
И мой безумствующий стих
Рвет все дороги.
Скор, беспощаден приговор,
Резки сужденья,
Что жизнь моя — сплошной позор,
Грехопаденье.
Но недосуг мне отрицать
И с вами спорить,
Я буду дальше пировать
В потоке горя.
И буду падать, и вставать,
И снова падать —
Мне ж любо кровью заливать
Глубины ада!
Удар судьбы и трубный глас
Я принимаю,
И знаю: это я за вас —
Пустых — страдаю!

Гонялись лишь за туманами,
Не ведали об ином...
Свобода дохнула пряная,
И все пошло кувырком.
Мы — голодны, неухожены
И дикие от прыжка,
Рассыпались, как горошины
Из лопнувшего мешка.
На все на четыре стороны
Рванулись, что было сил.
Одних поклевали вороны,
Других ручей поглотил,
Кого-то злое солнце сожгло.
А эти нашли уют
И общей горькой судьбе назло
Вполне прилично живут.
Грустят и, быть может, каются,
Скорбя по русской мечте.
...А те, что дома, вновь маются
И в страхе, и в нищете.

ПЕРЕДЕЛЫ

Режут небо мое пропеллеры
По велению властных бровей.
Новоявленные рокфеллеры
Из еврейско-русских кровей
Поделили все. Что до совести —
Это пища для бедняков.
Нет обидней, нет горше повести
Чем замена одних окон
На другие — богаче, с блесками,
Проржавевшие — на новые.
И кичливо играет розгами
Получившее власть ворье.
За наличные, безналичные —
Жить без совести — без проблем,
Нашу Русь, как девку публичную,
Приучают кланяться всем.
А народ жив лишь Божьей милостью,
Вновь обобран, голоден, сир,
И наивно-святой терпимостью
Удивляет опять весь мир.

* * *

Я еще попрошу прощенья
За безверие, за сомненье,
За нескромное самомненье,
За упорное несмиренье.
Я еще попрошу прощенья,
Когда лоб разобью иль стены,
Раскромсаю цепи иль вены,
Вырвусь, вдоволь хлебнув измены,
Из мечты сладчайшего плена.
За неправедные решенья,
За несбывшиеся свершенья
И за выбор дороги мщенья
Я еще попрошу прощенья.

Но потом. Сейчас не готово,
И не будет искренним Слово.

* * *

Кого Бог любит, того пытается,
Так жизнь объяснили мне.
Чего-чего, а невзгод хватает —
В судьбе горю, как в огне.

А я-то долю свою проклинала
И губы кусала в кровь.
Как жаль, что сразу не понимала
Такую Божью любовь.

ТУМАНЫ

Зряшно падают слова,
Тихо кружатся столетья
И ложатся, как листва,
В приготовленные сети.
Что-то канет без следа
В тёмной дымке лихолетий,
Что-то будут иногда
Возвращать забвений сети.
Ткут просветы пауки
Деловито, неустанно...
Да и время у реки
Перепуталось в туманах.
Зачумленная молва,
В снах увязнув, приумолкла,
Вспоминается едва
Но без толку всё, без толку.
В воду руки опустив,
Тщусь поймать времен течение —
Дней исчезнувших мотив,
Сожаленье, сожаленье...
И сквозь занавеси век
Необычность не тревожит...
Подступил который век?
На двадцатый непохоже...
Держит образы туман —
Былей видимое эхо:
Белый с позолотой храм,
Цепи лучников в доспехах,
И проходят чередой
Кочевых времен угрозы —
В облаках по-над рекой

Утомленные обозы.
И ночные светляки
Рвут покой в паучьем свете.
У задумчивой реки
Тихо кружатся столетья.

* * *

Альфие Мухаметовой

Взгляд причудливых масок,
Отблеск древних миров.
Это магия красок,
Это сказочный кров.
Чей Вы сон подсмотрели,
Чей подслушали вздох?
Возродили идеи
Позабывших эпох.
Это магия кисти,
Линий плавных, крутых.
Боль отвергнутых истин
Вновь пульсирует в них.
Покидают шаманы
Мир, не верящий им.
Растворился в туманах
Горький жертвенный дым.
Но остались полотна —
Древней мудрости след
И волшебные окна
На грядущий рассвет.

* * *

Я с Музой нездешней
И дивной зависла,
В ночи растворилась — не лгу.
И голос ее будит
Странные мысли
В моем воспаленном мозгу.
Тот голос твердит мне:
Все пусто, все бrenно,
Все в грешной земле будет гнить,
И мысль, только мысль
Будет плыть по Вселенной
Планеты другие будить.
И шепчет мне Муза:
Доверь свои песни,
Я в памяти их сберегу.
Не будет тебя,
Но твой голос воскреснет
На новом чудном берегу.
А люди там будут и чище, и проще,
Поймут твоей песни слова,
Споют их в своей удивительной роще,
В тех песнях ты будешь жива...

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав ЗОЛОТЦЕВ.	
Речь-река из родников любви.	3
I. КАМЕННАЯ ЗАРЯ	7
«Ущербные дети ущербных времен...»	8
«Каково на дне?...»	9
«Взгляды, как пощечины...»	10
«Ничего не даром...»	12
В омуте	13
Поэты	14
«Когда приходит срок родить...»	15
«Какие могут быть придирки...»	16
Судьба	17
«Россия — она не вокруг...»	18
«И мир летит в тартарары...»	19
«Я в веке сём наследница...»	20
Отсутствие любви	21
Ода тьме	23
«Грязь — грязюка непролазная...»	24
Река	25
Русский характер	26
Осенний ветер	27
Вороны	28
На раскопках	30
«Покуда земля способна...»	31
Каменная заря	32
Усталые мысли	33
«С моей души сорвали кожу...»	34
«Душа хрипит, моля пощады...»	35
Я принимаю боль	36
Онемела	38
Мы на восток!	40

II. ЛИЛИТОВО ПЛЕМЯ	42
«Кабы нам с тобой...»	43
Лилитово племя	45
«Я люблю и буду любить...»	46
Диалог	47
«Над быстрой водой...»	48
«В параллельных мирах живем...»	49
Обмани	50
«А тетка ахнет...»	51
Ожидание	52
«Нет, не насытить сердце...»	53
«Между ярым полнолунием...»	54
Две судьбы	55
«Я брела к тебе по бурелому...»	56
«Об одном прошу тебя...»	57
Не покидай меня	58
Приезжай	59
«Низким — только о низости...»	60
«Кто бывал в огне...»	60
«Мне — распутной и вздорной...»	61
«В тебе моя сила...»	62
«Шаги, шаги... Чужие...»	62
«По крупицам, по ниточке...»	63
«Нет откровенности наполовину...»	64
«И нищему достались колоски...»	65
«Вот меня по имени-отчеству...»	66
«Незаслуженный твой упрек...»	66
«Ночные страхи расползаются...»	67
«Слова уже не достают...»	68
Бессонница	69
«Мне твердят...»	70
«Тихий вздох из глубин...»	71
«Пустота, пустота...»	72
Волчица	73

III. КОЛДОВСКИЕ НАПЕВЫ74

Смерть колдуньи	75
Цыганка	76
Колдунья	78
«Косы не расчесывай...»	80
«В ком нет греха, пускай...»	81
Ведьмина баллада	82
«Ангел мой...»	85
«Вам нравятся юные девы...»	86
«Побитой собакой обратно...»	87
Возле храма	88
Молитва неверующей	89
«Я стучусь, стучусь...»	90
«Быть нежной, домашней...»	91
Надежда	93
«Читаю память...»	94
«По болоту из соблазнов...»	95
«Пред которым из богов...»	96
«Рыдают матери...»	96
«Тишина и печаль в доме...»	96
«И я, как все...»	97
«Там, на уровне моих глаз...»	98
«Как дню даны мгновенья...»	99

IV. МЕЖДУ МИРАМИ100

Между мирами	101
«Мне б тихую-тихую песню...»	102
«Потом, потом, когда-нибудь...»	103
«И только небо здесь...»	104
«Может быть, солнце гореть ...»	104
«Я сквозь себя рассматриваю...»	105
«Бессилье бесило...»	105
«Ласковый, но чужой...»	106

«А тебя я так зацелую...»	106
«Мне благодарны за постой...»	107
«Усталым взглядом...»	108
«За любовь бы — все...»	109
«Как в пропасть с крутого обрыва...»	109
«Март... капель...»	110
Сенокос	111
Тишина	113
«Это было, о, это было...»	114
О песне	115
Советчику	116
«Гонялись лишь за туманами...»	117
Переделы	118
«Я еще попрошу прощенья...»	119
«Кого Бог любит...»	119
Туманы	120
«Взгляд причудливых масок...»	122
«Я с Музой нездешней...»	123

Гостева
Елена Витальевна

Наследница

Книга стихотворений

Редактор С. Золотцев
Корректор В. Ананина
Техредактор А. Поляков
Верстка Н. Кочетковой

Сдано в набор 13 января 2005 г.
Подписано в печать 1 февраля 2005 г.
Формат 70х100 1/32. Объем 4 п.л.
Тираж 1000 экз. Бумага офсетная.
заказ № 152

Издатель — Независимое литературное агентство
(«Московский Парнас»
121069, М., Поварская ул. 52, оф. 23,
тел. 291-6341, 291-6374)

Отпечатано в ООО
типографии «ПОЛИМАГ»
127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, 107

